

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.19>

Шарапенкова Наталья Геннадьевна

Новый тип героя в скандинавском романе начала XX в. (на материале творчества К. Гамсуна и А. Стриндберга)

Цель исследования - выявить новый тип героя в романах двух скандинавских писателей модернистского направления: "Голод" К. Гамсуна и "Одинокий" А. Стриндберга. В статье проясняется связь образа главного героя с повествовательной техникой - "поток сознания". Научная новизна заключается в детальном анализе природы главных героев двух скандинавских писателей, творчество которых является переходным к эпохе модернизма. В результате на основе сравнительно-типологического, герменевтического методов выявлены как новый тип героя скандинавского модернистского романа (интеллектуал, осознающий свою отстраненность от мира), так и приемы нового типа повествования ("поток сознания").

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/11/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 86-90. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

4. **Бодрийяр Ж.** Реквием по масс-медиа // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. М. – СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 1999. С. 193-226.
5. **Иовва Н. И.** Нарративные ресурсы публицистического высказывания (на примере творчества приднестровского очеркиста) // Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. школьников, студентов и аспирантов / сост. О. С. Зубкова. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т, 2017. С. 85-96.
6. **Тургенев И. С.** Русский язык // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. М.: Наука, 1982. Т. 10.
7. **Тюпа В. И.** Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А. П. Чехова). Тверь: ТГУ, 2001. 58 с.
8. **Хорольский В. В.** «Событие» в журналистике и в теории массовых коммуникаций: сходство и различие в подходах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». 2013. Т. 12. Вып. 10. Журналистика. С. 23-29.
9. **Jean Baudrillard et le Centre Pompidou** / dir.: V. Guillaume. P.: Editions Gallimard, 2013. 329 p.
10. **Prince G.** A Dictionary of Narratology. Lincoln – L.: Nebraska University Press, 1987. 118 p.
11. **Roussin Ph.** Genealogies de la narratologie, dualisme des theories du recit // Narratologies contemporaines. P.: Editions des archives contemporaines, 2010. P. 45-49.

Western Publicists' Poetics in Context of Media Narrative Strategies (by the Material of J. Baudrillard's and J. Barnes's Articles and Essays)

Khadzhieva Leila Lechevna, PhD
Chechen State Pedagogical University, Grozny
luna6677@mail.ru

The paper aims to develop a style model of the modern western political journalism by the example of Jean Baudrillard's and Julian Barnes's narrative patterns. Scientific originality of the study involves differentiation of the categories "act of storytelling" and "narration" in the context of style models differentiation. For the first time, the researcher compares J. Baudrillard's and J. Barnes's ironic narratives, which represent a postmodernist style model. The conducted research allows concluding that differentiation of the factual and the fictional within publicistic discourse allows revealing influence of media stylistics on the writers' publicistic works. A textological analysis helps to differentiate fictional and documentary zones of narration.

Key words and phrases: narrative strategies; J. Barnes; J. Baudrillard; ironic modus; non-fiction.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.11.19>

Дата поступления рукописи: 06.10.2020

Цель исследования – выявить новый тип героя в романах двух скандинавских писателей модернистского направления: «Голод» К. Гамсуна и «Одинокий» А. Стриндберга. В статье проясняется связь образа главного героя с повествовательной техникой – «поток сознания». **Научная новизна** заключается в детальном анализе природы главных героев двух скандинавских писателей, творчество которых является переходным к эпохе модернизма. **В результате** на основе сравнительно-типологического, герменевтического методов выявлены как новый тип героя скандинавского модернистского романа (интеллектуал, осознающий свою отстраненность от мира), так и приемы нового типа повествования («поток сознания»).

Ключевые слова и фразы: повествовательная техника «поток сознания»; скандинавская литература; модернистский роман; К. Гамсун; А. Стриндберг.

Шарапенкова Наталья Геннадьевна, д. филол. н., доц.
Петрозаводский государственный университет
natshar@mail.ru

Новый тип героя в скандинавском романе начала XX в. (на материале творчества К. Гамсуна и А. Стриндберга)

Актуальность темы исследования обусловлена все возрастающим интересом в современном литературоведении к жанровым модификациям романа, в особенности к жанровым и иным трансформациям модернистского романа начала XX в. Исследований в отечественной филологии, посвященных сравнительному изучению творчества К. Гамсуна и А. Стриндберга, недостаточно, особенно в области изучения типа героя в ранних произведениях этих двух наиболее значимых писателей норвежской и шведской литературы. В статье поставлены и решены следующие **задачи**: во-первых, провести сравнительный анализ главных героев романов «Голод» и «Одинокий»; во-вторых, связать систему персонажей с новой повествовательной техникой, разработанной представителями скандинавской литературы, а именно – «поток сознания».

Для осмысления данной проблематики в статье применяются следующие **методы исследования**: герменевтический, компаративистский, метод мотивного анализа. **Теоретической базой** исследования, наряду с романами, эссе, публицистикой К. Гамсуна и А. Стриндберга, послужили труды по исторической поэтике

и теории романа М. М. Бахтина, Н. Д. Тмарченко, В. П. Руднева, С. Н. Бройтмана, исследования в области скандинавистики (биографии писателей, анализ их творчества) Н. Будур, Э. Панкратовой, А. Сергеева и др. **Практическая значимость** исследования заключается в том, что раскрываемый в статье сравнительно-методологический потенциал (на примере творчества двух скандинавских писателей-модернистов) может быть использован в педагогической деятельности для усовершенствования образовательного процесса, а также может явиться импульсом для дальнейшего развития отечественной скандинавистики.

Крупнейшие скандинавские писатели – А. Стриндберг и К. Гамсун – предвосхитили и во многом определили неторные пути развития европейской литературы XX в., прежде всего, в области формирования нового типа героя романа и драмы, а также в области создания новых повествовательных стратегий («поток сознания»).

Романы «Голод» (1890) и «Одинокий» (1903), вынесенные в заглавие нашей статьи, написаны в особый историко-литературный период – эпоху рубежа, перелома, эстетического слома и смены парадигмы, названной впоследствии парадигмой неклассической художественности, или поэтикой художественной модальности [3]. А. Стриндберг и К. Гамсун испытали влияние идей «властителей дум» Ф. Ницше, Э. Сведенборга, Г. Ибсена (и творчески переработали их).

В литературе модернизма появляется новый тип героя – героя-интеллектуала, «отщепенца» (К. Гамсун), выбравшего одиночество (А. Стриндберг), поступки которого во многом определяет сфера бессознательного. Являясь одной из центральных дефиниций, «герой» имеет множество значений в литературоведении. Нам близко понимание термина «герой», данное Н. Д. Тмарченко: «Герой – такое действующее лицо литературного произведения, которое представляет собой “ценностный центр” и “конкретный предмет” авторского эстетического видения, будучи “носителем основного события” (Бахтин) в изображенном мире» [11, с. 43].

Для выбранных нами авторов взгляд на героя как средоточие авторской точки зрения наиболее актуален. Несмотря на то, что сам К. Гамсун был против употребления слова «тип» применительно к герою, понимая под этим словом обобщенные социальные черты, мы склонны употреблять его в значении общности (типологии) героя скандинавского модернистского романа. У большинства главных героев ранних произведений К. Гамсуна и А. Стриндберга выделяются сходные, типологические для их героев черты. Именно они и позволяют нам создать на их основе типологию персонажей.

Модернизм ушел от семейно-социального фактора как главной составляющей становления личности, вследствие чего связь между героем и окружающим миром деформируется и рвется. В. П. Руднев отмечает, что из литературы уходит излюбленный романтиками и реалистами конфликт героя и толпы. Вместо него «возводится в ранг сверхценности красота редуцированного сознания... или сознание расщепляется» [8, с. 178]. Поведение такого героя скандинавского модернистского романа соткано, скорее, из импульсов и спонтанных алогичных поступков, которые не поддаются рациональному осмыслению. Для такого типа героя сама реальность становится *проблемой*.

В качестве репрезентативных примеров нами выбраны два героя-рассказчика из романов скандинавских писателей-модернистов. Один из самых значительных норвежских писателей, Кнут Гамсун (1859-1952), оказал существенное влияние на всю последующую западноевропейскую и русскую литературу. Повествовательная техника романа «Голод», получившая наименование «потока сознания», впоследствии была гениально разработана Андреем Белым в романе «Петербург» (1912), Д. Джойсом в романе «Улисс» (1914-1921), романах Ф. Кафки «Замок» (написан в 1922, издан в 1926) и «Процесс» (написан в 1915, издан в 1925).

За свои литературные достижения и роман «Соки земли» в 1920 г. К. Гамсун получил Нобелевскую премию. При всей знаковости имени К. Гамсуна серьезное исследование его творческих интенций только начато в России. И это несмотря на то, что на рубеже XIX-XX вв. К. Гамсун – один из самых читаемых и издаваемых писателей Скандинавии в России. Разные жизненные и мировоззренческие обстоятельства, связанные с малым отношением к пришедшей к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистической партии Гитлера, на долгие десятилетия, по понятным причинам, «закрыли» от русского читателя это имя [4]. В отечественной филологии интерес к творчеству знаменитого норвежца (вместе с публикацией его художественных произведений) вернулся достаточно недавно, в 80-90-е гг. XX в. (в 70-е гг. вышел двухтомник сочинений К. Гамсуна). В долгой жизни Кнута Гамсуна «были нищета и неприкаянность и благополучная семейная жизнь в большом уютном доме; тернистый путь к известности и Нобелевская премия; взлёт мысли и фантазии и нелепые, порой трагические заблуждения, позор судебного процесса» [7, с. 4], – так подводит итоги жизни норвежского писателя Э. Л. Панкратова.

Импульсом для более пристального изучения художественного мира писателя стало его 150-летие [7]. 2009 г. был объявлен в Норвегии годом Кнута Гамсуна (что само по себе также примечательно: из-за политических предпочтений Гамсуна имя писателя у него на родине подверглось замалчиванию и критике), был открыт культурный центр для исследования творчества писателя, для проведения выставок и конференций, на открытии Года присутствовала королева Норвегии.

В Швеции 2012 г. стал юбилейным годом Августа Стриндберга, одного из самых ярких шведских драматургов, романистов, публицистов, принесшего мировую славу своей национальной литературе. Среди почестей, которые преподнесли Стриндбергу в 1912 г. его читатели, следует упомянуть об одном во многом знакомом событии: рабочие устроили под окнами писателя факельное шествие, позже ему вручили крупную сумму денег, собранную простыми людьми, которая была воспринята писателем как своего рода антинобелевская премия.

Вместе с тем оценка деятельности «великого шведа» и его репутация женоненавистника, ниспровергателя устоев остаются актуальными и по сей день. В Стокгольме в последнем «пристанище» писателя “Blå tornet” (Дротнинггатан, 85) в 1973 г. был открыт музей, принадлежащий Обществу Стриндберга.

Все, кто писал о «великом шведе», сходятся в одном – этот человек был наделен недюжинным талантом, ему была уготована сложная, подчас драматическая судьба. В Стриндберге, сошлемся на высказывание Т. Манна, «жил высокий, боговдохновенный и богоотверженный дух» [6, с. 441].

Имя А. Стриндберга, как и К. Гамсуна, связано с русской литературой, в особенности литературой Серебряного века. Так, А. П. Чехов, говоря о художественной одаренности, видел в шведском собрате по перу «силу не совсем обыкновенную» [12, с. 170-171]. Земное бытие Стриндберга пролегалось между «гениальностью и безумием» (так назвал свой фильм в 1985 г. Йохан Бергенстраль). Сам автор, безусловно, всячески культивировал эпатажность как своей жизни, так и творчества. Корни ее произрастают из другого источника: из желания вырваться из пошлости обыденности. Для Стриндберга свойственно неприятие внешней упорядоченности, мещанского благополучия, бездуховности, он «неудобный писатель». Интерес к скандинавским «художникам слова» возрастает в кризисные переломные годы (на рубеже XIX-XX вв. – в эпоху «духовного Ренессанса», и в России XX-XXI вв., когда кардинально изменилась парадигма мышления русского общества) [1; 2].

В 1890 г. вышел в свет роман тогда еще мало известного писателя К. Гамсуна «Голод» (в 1892 г. переведен на русский язык Ю. Балтрушайтисом), который станет поворотным моментом в судьбе писателя и началом его мировой популярности. Вышедший в свет в 1903 г. роман «Одинокий» А. Стриндберга примыкает по форме к технике «потока сознания», где окружающая реальность предстает «пропущенной» через сознание главного героя, и где теснейшим образом переплетены ассоциативный ряд, мир впечатлений и образов.

Тому и другому скандинавскому роману характерны следующие черты: безымянность главного героя-рассказчика, его «занятие» (писательство), уход или бегство от реальности, автобиографичность. Все эти черты укладываются в жанровые «вериги» романа о художнике, но произведения писателей-скандинавов, созданные в преддверии модернизма, построены на ином фундаменте. Они созданы в особой повествовательной технике, согласно которой акцент перемещен из внешнего описания на внутреннее, или, скажем точнее, внешнее может быть показано только пропущенным через сознание героя. Сами поступки героя продиктованы «порывами», «импульсами», самому ему не подвластной логикой. Таким образом пласт бессознательного врывается в художественную ткань подобных произведений.

Кроме того, повествование в норвежском романе построено вокруг *голода* (в его физическом, психологическом и духовном понимании), в шведском идейным центром выступает неизменное *одиночество* героя.

Автобиографические отсылки есть в каждом из исследуемых романов. Главные герои обоих произведений безымянны – это «художники слова», писатели, живущие в Христиании («Голод») и Стокгольме («Одинокий»). Приведем лишь некоторые репрезентативные примеры. В романе «Голод» автобиографические отсылки не лежат на поверхности. Рассказчик вспоминает свои голодные годы в Христиании: «Это было в те дни, когда я бродил голодный по Христиании, этому удивительному городу, который навсегда накладывает на человека свою печать...» [5, с. 35]. Описанный в романе голод и многие другие житейские неудобства автор романа испытал сам в начале своей долгой жизни: «Всё, о чём я пишу в “Голоде”, пережито мною здесь – и ещё немало худшего» [7, с. 190].

Вместе с тем есть и существенное отличие: для норвежского писателя это был наиболее сложный период жизни, полный лишений, во многом драматичный, для шведского романиста, напротив (как это ни парадоксально!), описываемый в романе «Одинокий» этап был гармоничный и внутренне-умиротворенный, а само одиночество здесь не есть «внешняя изоляция от людей, а скорее уход в глубины собственного сознания, напряженный поиск истины, смысла бытия» [10, с. 541].

Описание города в романе «Голод» очень подробное и детализированное, можно вслед за героем произведения следовать по улицам Христиании (Осло): «...я скрылся в боковой улочке, откуда направился на Пиллестредет», и «толпы людей словно волны перекатывались по улице Карла-Юхана» [5, с. 42-43]. Разработанную технику «потока сознания» в этом романе усиливает эффект дневниковой записи: «...я бесцельно побрёл по городу, между рынком и Гренсенем, прошёл по улице Карла-Юхана, потом повернул и направился к храму Спасителя, где нашел спокойное местечко на кладбище, подле часовни» [Там же, с. 55].

В романе «Одинокий» художественно претворен Стокгольм начала XX столетия и описано особое воздействие города на главного героя. Сам маршрут пеших прогулок героя проистекает из его душевного состояния, сотканного из мира музыкальных впечатлений, образов книг философско-мистического содержания. Чаще всего герой-рассказчик посещает один из островов Стокгольма, Гамла Стан (Старый город), иногда, подавшись порыву, бродит по другому острову, Юргордену (шв. Djurgården, досл. Сад зверей), где царит многолюдная празднично-веселая обстановка. Северный ландшафт Стокгольма (острова и воды Меларен) воздействует на героя, в чем он неоднократно сам признается: «Я устремляюсь к дубовым рощам на холмах Росендала, и если природа созвучна мне, тогда я чувствую себя здесь как дома» [9, с. 220].

Интересен опыт А. Перссон: в книге «Прогулки с Августом Стриндбергом» (шв. Vandra med August Strindberg) описываются дома, в которых когда-то жил шведский писатель, а также маршруты его прогулок, воссозданные на основе его же литературных произведений, дневниковых записей и писем друзьям. Согласно воспоминаниям, начиная с декабря 1900 г., в доме Стриндберга собирались его друзья (Аксель Стриндберг, математик; Карл Эльд, скульптор; Р. Берг, художник).

В романе Кнута Гамсуна нет четко выстроенной фабулы: это, скорее, своего рода описание разнонаправленных мыслей героя, его иррациональных поступков, переживаний состояний аффекта («мистерии нервов в изголодавшемся теле»). Поток мыслей, чувств, ощущений, переживаний главного героя каждый раз возвращается к «душающему» чувству голода, который герой-рассказчик испытывает постоянно. Мотив голода

не только раскрывает личность главного героя с разных сторон, но и является сюжетообразующим в романе. Рассказчик описывает исключительно только то время, когда он испытывает чувство голода; время, при котором герой чувствует себя сытым, опускается в повествовании.

В «Голоде» нарушена традиционная жанровая форма романа. Здесь нет привычных ситуаций, коллизий, развернутой фабулы. По своей структуре это даже не роман, а череда душевно-физиологических состояний героя, граница между сновидениями, грезами и «реальностью» размывается. В романе Гамсуна «Голод» появляется тип нового модернистского героя – интеллектуала, ведомого бессознательными импульсами и порывами. Для героя произведения К. Гамсуна становится проблемой сама реальность, окружающая его. Герой ведёт с собой непрерывные разговоры, то жалея себя, что оказался в таком положении, то ругая за глупость, то восторгаясь собой. Герой мнит себя нищим «сверхчеловеком»: «Я, как яркий маяк, возвышаюсь над мутным людским морем, где плавают обломки кораблекрушений» [5, с. 18]. Буквально через некоторое время его настроение и отношение к себе меняются: «Я разлагался изнутри, во мне разрасталась какая-то черная плесень» [Там же, с. 19]. Еще через некоторое время герой признается: «Я был растроган собственными словами, они прозвучали так безутешно в вечерних сумерках, и я заплакал...» [Там же, с. 20]. Голод заставляет героя совершать необдуманные поступки, бродить в полузабытьи и придумывать себе новые личности. К примеру, он пугает проходящую мимо женщину, преследуя её и говоря о несуществующей книге: «Мысли мои приняли причудливый ход, я почувствовал, как мною овладевает странное желание напугать эту даму, погнаться за ней и причинить ей какую-нибудь неприятность» [Там же, с. 13]. Герой сам осознает, что ведёт себя, как безумный, но не может преодолеть себя: «...волнение влекло меня вперед, заставляло делать нелепые движения, и я уже не владел собою» [Там же, с. 14]. Голод в романе К. Гамсуна – это состояние аффекта, которое необходимо автору, чтобы «разверзлось» сознание и удалось проникнуть в пласты подсознательного. Аффект нужен Гамсуну не для передачи физиологических особенностей и патологических состояний, а для того, чтобы разрушить внешнюю механистическую упорядоченность, проникнуть в иррациональное в психике человека. Автор воссоздал в романе внутренний мир героя, его переживания, постоянные перепады настроения, дал тончайшую нюансировку чувств (переходы от глубочайшего отчаяния до сладостной эйфории).

Как и в романе «Голод», в «Одиноком» нет действий и привычных для традиционного романа перипетий. У Августа Стриндберга ключевой мотив повествования – одиночество. Читатель погружается в прошлую жизнь главного героя-рассказчика, которая вырастает из его воспоминаний, постоянно присутствующих в тексте произведения. Герой рассказывает, что был женат и у него есть ребенок, однако домочадцы стали *врагами*: «Мне нет больше нужды лицедреть врагов в своем доме, за семейным столом, и молча выслушивать, как они поносят все самое для меня святое» [9, с. 218]. Данный фрагмент также имеет автобиографический подтекст (сложные отношения Стриндберга с женой Сири фон Эссен, судебные разбирательства, связанные с детьми).

Одиночество позволяет герою глубже узнать себя и погрузиться в себя: «Первое, к чему побуждает одиночество, – это разобраться с самим собой и со своим прошлым» [Там же, с. 219]. «Мое “я” стало крепнуть, словно сгущаясь вокруг некой основы, вместившей в себя всё пережитое мной» [Там же, с. 220]. Одиночество позволяет герою предаться главному делу, сочинительству, и дает возможность пристально, словно под микроскопом, изучить людей: «Я чувствовал, как растёт мой труд и насколько уединенные занятия плодотворней всех прежних моих попыток изучать человека на людях» [Там же, с. 207].

Герой-рассказчик дает собственное метафорическое и развернутое определение одиночеству: «Закутаться в шелковый кокон своей души, обратиться в куколку и ждать превращения, а уж оно не преминет наступить. Смерть и воскресение, новая школа для нового, неведомого бытия» [Там же, с. 217].

Однако сколько ни утверждает герой, что это одиночество он выбрал сам, он постоянно стремится к контакту с обществом, пусть и невербальному. Стоит отметить, что мотив одиночества укладывается в структуру всего произведения: несколько глав и подглав начинаются с описания этого чувства и заканчиваются им же. Приведем в подтверждение и заключительную фразу произведения: «...я покинул обитель юношеских моих мук и возвратился домой – к моему одиночеству, к моей работе, к моей борьбе» [Там же, с. 260].

В ходе исследования мы пришли к следующим *выводам*. Черты нового типа героя скандинавского модернистского романа: интеллектуал, наделенный особой «нервной конституцией», действующий импульсивно, избравший одиночество как удел и возможность выйти из кокона (А. Стриндберг), позиционирующий себя неким высшим существом, относящий себя к духовной аристократии (К. Гамсун).

Романы «Голод» Кнута Гамсуна и «Одинокий» Августа Стриндберга отличает *новый психологизм*, который обусловлен открытием на рубеже веков сферы подсознательного в человеческой природе. В ранних романах скандинавов были заложены интенции развития романной формы, развитой в дальнейшем в мировой литературе, а именно приемы техники «потока сознания». В исследуемых нами романах она представляет собой фиксацию разнородных импульсов и впечатлений, фиксирует алогичность, фрагментарность сознания.

Отличительными особенностями модернистского романа в XX в. стали проникновение в глубины подсознания человека, воссоздание субъективной реальности. Основным повествовательным приемом в творчестве модернистов становится «поток сознания», позволяющий запечатлеть движение мыслей, впечатлений, чувств. Исследование скандинавского модернистского романа позволяет выявить *в дальнейшем* генезис новых повествовательных стратегий («поток сознания»), истоки зарождения нового типа героя, выстроить параллели между скандинавской и русской, скандинавской и западноевропейскими литературами модернистского направления.

Список источников

1. **Август Стриндберг: жизнь, творчество, эпоха** / под ред. Н. Г. Шарапенковой и И. Л. Даниловой. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 129 с.
2. **Бальзамо Е.** Август Стриндберг: лики и судьба. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 319 с.
3. **Бройтман С. Н.** Историческая поэтика. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 418 с.
4. **Будур Н.** Кнут Гамсун [Электронный ресурс]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/budur-gamsun-misteriya-zhizni/gamsun-i-rossiya.htm> (дата обращения: 01.10.2020).
5. **Гамсун К.** Голод. Мистерии. Пан. Виктория. Минск: Мастацкая Літаратура, 1989. 528 с.
6. **Манн Т.** Август Стриндберг // Манн Т. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Худож. лит., 1961. Т. 10. С. 438-441.
7. **Незнакомый Гамсун. Бьёргер. Статьи. Письма** / сост. Э. Л. Панкратова. Мурманск: Реклам. Полиграфия, 2001. 205 с.
8. **Руднев В. П.** Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1997. 381 с.
9. **Стриндберг А.** Избранные произведения: в 2-х т. / пер. с швед.; вступ. статья В. Неустроева; комм. Е. Соловьевой. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. 527 с.
10. **Стриндберг А.** Слово безумца в свою защиту. Одинокий: Романы. Пьесы. М.: Худож. лит., 1997. 558 с.
11. **Тамарченко Н. Д.** Герой // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 358 с.
12. **Чехов А. П.** Письмо Шавровой-Юст Е. М., 9 мая 1899 г. Мелихово // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1980. С. 170-171.

**New Type of Hero in the Scandinavian Novel of the Early XX Century
(by the Material of K. Hamsun's and A. Strindberg's Creative Work)**

Sharapenkova Natalia Gennadievna, Dr
Petrozavodsk State University
natshar@mail.ru

The purpose of the study is to identify a new type of a hero in novels by two Scandinavian writers associated with the modernist movement: "Hunger" by K. Hamsun and "Days of Loneliness" by A. Strindberg. The article clarifies correlation between a protagonist's image and the narrative technique "stream of consciousness". The research is novel in that it analyses in great detail the nature of the main characters created by the two Scandinavian authors, whose creative work is transition to modernism. As a result, basing on the comparative-typological, hermeneutical method, the researcher has identified a new type of a hero of the Scandinavian modernist novel (an intellectual who is aware of their detachment from the world), as well as techniques of a new type of narrative ("stream of consciousness").

Key words and phrases: narrative technique "stream of consciousness"; Scandinavian literature; modernist novel; K. Hamsun; A. Strindberg.